

СОН

Посвящаю бабушке,
Аполлинару Александровне.

I.

Михаилу Петровичу Птицыну, крупному мужчине лет пятидесяти, чуть лысоватому, с не большой аккуратной бородкой, и красноватым носом, снился сон: будто бы едет он на телеге. Кто сейчас знает что это такое – телега? И Михаил Петрович уже давно забыл, как забыл о своем детстве, о своих родителях и бабушке, так любившей его, о школьных друзьях, о мечтах, переполнявших его, когда в десятом классе средней общеобразовательной школы готовился он выйти в большую взрослую жизнь, казавшуюся ему чудесным блистающим миром.

Колеса, медленно вращаясь, влекут его куда-то. Маленькая лошадка нетороплива, медленно бредет по совершенно пустой улице. Ни машин, ни людей – никого. Дорога вымощена светлым булыжником, но ни стука копыт, ни шума колес не слышно. Смотрит Михаил Петрович, как проплывают мимо дома, неизвестно какого города. Чувствует он, что торопиться куда-то, но возницы нет и вожжей не видно. Беспокойство охватывает его, что не успеет куда-то, но куда не может вспомнить. А телега все катит и катит и лошадь, не понятно, какой масти (сумрак не дает рассмотреть), помахивая хвостом, идет и идет себе, не сворачивая ни куда.

Долго не мог проснуться Михаил Петрович. В начале, в сон как муравьи стали заползать какие-то уже дневные мысли: что вот надо вставать, наверное, уже поздно и что пора, наконец, отвыкать от такого безобразного режима, так как с понедельника уже на работу. Эти мысли вползли в сон, перемешались там с сомнамбулическими представлениями. И вот уже кажется ему, едет он не куда-то, неведомо куда, а на работу. И что осталось минут десять, а лошадка идет еле-еле и даже не понятно

где и куда. Но нет возможности ни управлять ею, ни соскочить с телеги и бегом отправиться к месту службы. Затем вползла радостная мысль, что еще отпуск и торопиться, в общем, не надо. Наконец все смешалось, стало светло-серым, как булыжная мостовая и, наконец, Михаил Петрович Птицын увидел потолок. Лежал он на кровати и смотрел вверх. Потолок выступил из тумана и превратился просто в сероватую поверхность. И все кругом было серо, потому-что окна были зашторены.

Мысль блуждала некоторое время вокруг домашних забот и ближайшего выхода на работу, но потом, опять покружившись как бумажный самолетик, вернулась к утреннему сну. «Что же это за дорога и куда я ехал?» – думалось ему. Он попытался проанализировать увиденное, но ничего не выходило. В голову приходили какие-то расхожие объяснения. Типа, дорога это судьба, или дорога это путь исканий человеческих. «Но ведь что-то меня мучило. Что-то вызвало этот сон. И почему я передвигался на телеге?» – ответа он найти не мог.

Пролежав так минут сорок, Михаил Петрович пришел к заключению, что надо вставать, а о сне можно подумать и за завтраком.

II.

Земля намокала уже несколько дней. Холодно не было, но сырость струилась над землей, заползая во все щели, за ворот, под одежду. Птицын шел с работы, прячась под зонтом от летящей с неба водяной пыли. Пройдя несколько кварталов, он решил отклониться в сторону от маршрута и заглянуть в Кафе «Буратино» – выпить чашечку кофе. Нужно было выйти на улицу Коммуны и пройти по ней всего пол квартала. Он почти добрался до кафе и уже предвкушал, как в тепле и уюте будет потягивать кофе со сливками, как вдруг его внимание привлек новый магазин на другой стороне улицы. Магазин, в общем-то, ерунда. Мало ли какие магазины появляются и исчезают в городе чуть ли не каждую неделю. Но тут его привлек скорее тот факт, что рядом уже было несколько магазинов похожего

профиля. «Зачем открывать еще один магазин, построили бы какую-нибудь мастерскую» – подумалось Михаилу Петровичу. И тут он взглянул вдоль всей улицы Коммуны и – нет, он знал, что на ней больше магазинов, чем на любой другой, но сейчас воочию он узрел, что на протяжении нескольких кварталов на ней практически все первые этажи жилых домов были заняты под всевозможные торговые заведения. И тут в голову пришло: «Старое дореволюционное название улицы – Торговая, на ней тогда было множества всяких лавочек и магазинчиков». В советское время тоже были магазины, но не много. А вот сейчас улица Коммуны, по сути, вернула себя имя Торговая. Советское название не прилипло к ней, точнее не воплотилось в какой-либо форме, и торговая улица возрождалась как птица феникс из пепла.

Воспоминание о прежнем названии улицы потянуло за собой другие и, вдруг. Михаил Петрович отчетливо вспомнил серые булыжники – ими была вымощена эта улица во времена его детства. По этой улице ходили автобусы марки КАвз. Помнил он, как на таком автобусе ездил с бабушкой на другую сторону реки к своим родственникам. «Как же я сразу не вспомнил эти булыжники? Да, что же с ними стало? Неужели они под асфальтом так и остались?» – у него вдруг возникло странное желание, взять кирку, лопату, да и разрыть дорогу, чтобы найти те самые булыжники, которые он видел в детстве. С этой странной мыслью он остановился на улице и стоял некоторое время в задумчивости, понимая при этом, что со стороны, наверное, все это выглядит немного странно: господин с бородкой стоит посреди людского потока и задумчиво смотрит в пол. Простояв так минут десять, Михаил Петрович, наконец, очнулся и пошел по направлению к дому, забыв о кофе.

«Почему это воспоминание так поразило меня? Ну, видел во сне булыжную мостовую, и что мне с того? Ясно, что в сон попадает то, что и так в голове имеется. Затаилось где-то в закоулках и извилинах и сидит, ждет своего часа, ждет, чтобы выползти наружу, когда ты вспомнишь об этом. Ну, или не вспомнишь, тогда оно само попытается

прорваться, хотя бы во сне. Но, зачем? Зачем какие-то картины или события сорокалетней давности должны мною вспоминаться? Разве мне плохо без них живется?» - вопросы эти крутились в голове у Птицына, пока он добирался до дома, и привели, таки его в плохое расположение духа. Даже не в плохое, а в какое то тревожное беспокойное состояние.

III.

Михаил Петрович Птицын был человеком солидным, работал начальником отдела в одном из государственных учреждений, носил не большую бородку, имел жену, машину и двоих взрослых детей, проживающих в других городах. В свободное время ездил на рыбалку, встречался с друзьями, родственниками жены, смотрел по телевизору новости и боевики, а иногда и выбирался с женой в театр. Пил не много, а с того времени, как стал начальником отдела, потреблял исключительно дорогие коньяки. К пятидесяти годам основательно подзабыв порывы и устремления юности, свыкся со скучной чиновничьей деятельностью, да и вообще с течением жизни, радовал себя маленькими приятностями, как то поход в гости, вечерний сериал или же просто хороший ужин, приготовленный его полненькой и не потерявшей еще былую женскую привлекательность, женой. Годы, таким образом, летели, а Михаил Петрович чувствовал себя вполне устроено и комфортно и уже начал задумываться о пенсии, но совсем не с печалью, а как-то даже немного с радостью, как об очередном повышении, которое будет обязательно, причем в строго установленный свыше срок. За время начальничества Михаил Петрович потяжелел, увеличил живот, лицо его несколько расплылось, стало шире, нос раздался и покраснел, походка сделалась вразвалку, а весь его облик стал походить на медведя средней величины, медведя, впрочем, не свирепого, а даже иногда веселого, и довольно ровного в общении с сослуживцами и подчиненными.

Жена Михаила Петровича Елена Васильевна работала старшим экономистом в городской администрации и, также как Михаил Петрович, была если и не довольна своей жизнью,

то уж точно самую малость. Так, разные женские переживания: ремонт квартиры, покупка мягкого уголка, новые наряды, ну и множество других житейских мелочей, которые, конечно, важны для каждой женщины, но в целом не портят ей жизнь, а придают ей некоторую динамичность и, если хотите смысл. Супруги познакомились еще в институте, где учились на инженеров-строителей. Было это в 70-х годах, в ту самую эпоху, которая сейчас многим кажется райским временем, даже тем, кто и не жил тогда, а те, кто жил, о многом уже забыли и только помнят, каким был тогда могучим и богатым Советский Союз.

Елена Васильевна и Михаил Петрович познакомились на студенческом вечере посвящения в студенты, и случилось это в один из не по-осеннему теплых октябрьских дней. Михаил Петрович (а тогда просто Миша) пришел на вечер со своим приятелем-однотруппником. У входа в институт друзья завернули за угол и «раздавили» прямо из горлышка на двоих бутылку портвейна, ну чтоб скучно не было. Миша вообще был довольно стеснительным – не танцевал, а уж пригласить кого-то на танец было для него вершиной героизма. Так что портвейн для него был неким талисманом, ниточкой, ухватившись за которую Михаил собирался приобщиться к жизни, которую вели многие его сокурсники и сокурсницы. Однако в огромном зале, где проходили танцы, он опять (как это обычно с ним бывало) потерялся. Боясь попасть в круг танцующих, он встал в сторонку и, прислонившись к стенке, скрывая зависть, наблюдал, как вокруг танцуют, знакомятся и просто ведут себя открыто и раскованно. Он и не заметил, что когда объявили белый танец, к нему из дальнего угла зала направилась девушка, в розовом платье, чуть выше колен и розовой же ленте в красивых вьющихся волосах до плеч. Михаил Петрович был столь ошеломлен, когда перед ним возникла эта девушка, что реакция его была подобно сомнамбулической. Они танцевали под медленную музыку, а он робко почти на весу держал руки вокруг талии своей партнерши.

Девушка училась в параллельной группе, и, как предположил потом, спустя уже много лет, Михаил Петрович (спро-

сильнее ее прямо он так и не решился), давно «положила на него глаз». В общем, дружба между ними довольно легко переросла в роман, роман бурный, с объяснениями, ссорами, примирениями, ожиданиями под окном, и даже одним прыжком с балкона. А через полтора года они поженились. Скоро родился сын, потом, через два года, дочь и к месту направления поехала молодая семья числом в четыре человека.

Тридцать с лишним лет пролетело незаметно...

IV.

Жена в командировке. Михаил Петрович колдовал на кухне. Впрочем «колдовал» – слишком сильно сказано. Нарезал пару картофелин, слегка поджарил с луком, затем залил все яйцами, покрошил ветчину и ужин был готов. Запивая пивом, Михаил Петрович с аппетитом поел.

Все шло к тому, что сегодняшней вечер должен пройти не плохо. Во-первых, вечер был пятничный и, следовательно, завтра можно было выспаться. Во-вторых, часа через два должна начаться трансляция поединка по боям без правил. Василий Лихачев должен был драться с каким-то бойцом по прозвищу «Мясорубка» из Латинской Америки.

В большой четырехкомнатной квартире супруги проживали вдвоем. Четыре комнаты были по обе стороны большого коридора, кухня располагалась в конце. В спальне Михаил Петрович включил телевизор и выключил свет. Потягивая пиво, он переключал каналы. На одном из каналов мужик, похожий на Зюганова, рубя сжатым пудовым кулаком, словно вбивая гвозди, резал правду-матку и призывал строить социализм. На другом канале парочка занималась сексом, покрикивая и подбадривая друг друга.

Телевизор был включен на полную катушку и Михаил Петрович не сразу обратил внимание на какой-то странный шум: какое-то постукивание и поскрипывание он поначалу принял за звук, идущий из телевизора. Но, только обнаружив, что звуки раздавались на всех каналах, он стал прислушиваться, и ему показалось, что шум шел от окна.

«Голуби, что ли?» – подумал Птицын и скользнул взглядом по окну. За окном уже смеркалось, и сквозь темно-синий раствор была видна громада соседнего здания.

Чертыхнувшись Михаил Петрович сполз с кровати и вразвалку подошел к окну. На улице серый осенний вечер. Во дворе никого. Тут Птицын как бы невзначай взглянул не через стекло, а на стекло и увидел свое отражение. Отражение было расплывчатым. Михаил Петрович собирался было уже отойти обратно к кровати, как вдруг ему показалось, что-то странное в отражении. Вглядевшись, он отшатнулся, на него смотрел кто-то совсем другой. Нет, это было именно отражение, так как за стеклом никого не было, но из стекла смотрело на Птицына что-то странное. На Михаила из окна смотрело лицо старой женщины. Серые волосы стянуты назад, морщинистое лицо. Тусклые глаза старухи неотрывно не мигая, словно заглядывая в душу смотрели на Михаила Петровича.

Михаил Петрович стоял и все глядел на этот странный образ и словно застыл, заглядываясь в него. Ужас первых мгновений появления странного отражения постепенно уходил, но Птицын продолжал смотреть. Наконец, как бы очнувшись, он быстро подошел к тумбочке, где стояла двухлитровая бутылка с пивом и начал пить прямо из горлышка. Оторвавшись от бутылки, Михаил Петрович постоял с минуты, как бы бессмысленно глядя на кровать, а затем, почувствовав сильнейшую усталость, упал и уснул как убитый.

Михаил Петрович не был трезвенником, но и спиртным не злоупотреблял. В общем, был обыкновенным российским гражданином, любящим иногда расслабиться, но на работу всегда приходил вовремя даже в понедельник. Однако напиваться до беспамятства – это с ним случалось крайне редко. Ни дома, ни в гостях – контроля он никогда не терял. Ну, или почти никогда.

Очнувшись, он долго лежал на кровати, пытаясь осмыслить случившееся. «Конечно, я хлебнул достаточно, но чтобы так отрубиться» – думал он. «Наверное, что-то намешали»

- придя к такому заключению, Птицын успокоился и стал смотреть в телевизор. Об оконном видении он как-бы даже и забыл.

V.

До работы идти всего минут двадцать. Сегодня Михаил Петрович не торопился. Погода отличная и Птицыну, почему-то начала вспоминаться вся его жизнь. Неторопливые шаги его выбивали из недр памяти то один, то другой образ. Воспоминания мелькали, словно кадры черно-белого фильма (почему-то именно черно-белого - красок его память не хранила).

В этом городе прошло его детство. Семья вернулась сюда после пятнадцати лет работы на стройках большой страны. Все в этом городе напоминало об ушедших и столь милых каждому человеку годах. Панорама города того времени навсегда въелась в его память. «Вот этого дома тогда не было, а вот этот дом изменился до неузнаваемости, а это место осталось точь в точь таким, когда он, четырнадцать лет отроду мчался на велосипеде с компанией сверстников на речку» - подобные мысли постоянно навещали Михаила Петровича, не радуя и не огорчая его, а как-то наполняя смыслом его, в общем-то, довольно скучное существование. Возле не большого деревянного домика, чудом уцелевшего среди многоэтажных строений, он приостановился. Как-то в последнее время Михаил Петрович не обращал на него внимание. В нем когда-то жил его школьный приятель Колька. Несмотря на русское имя, Колька был из многодетной татарской семьи. Он был второгодником и «крутым» пареньком. Большинство ребят в школе или боялись или, по крайней мере, относились к нему с уважением. Мишка (так звали тогда Михаила Петровича в школе) сидел с Колькой за одной партой и решал за него контрольные по математике и физике. В отношениях их, однако, не было какой-то особой корысти, так как Колька никогда ничего не просил и не требовал, но принимал помощь с благодарностью и уважением. Скорее уж Мишка имел некоторые, возможно и не осознанные виды на эту дружбу. С Колькой ему было комфортно и безопасно.

Колька часто прогуливал уроки, покуривая на заднем дворе школы. Ходил почти всегда в синей кофте, слегка косячил, росту был не большого и очень крепкого телосложения. Сколько лет прошло, а Михаил Петрович отчетливо помнил веснушчатое лицо Кольки, его черные как смоль жесткие волосы. Вот он сидит на заднем дворе, на бревнышке, покуривая беломорину. Вокруг него уважительно толпятся ребята, а он рассказывает очередное свое приключение. Колька был большим фантазером, трудно было понять, где он привирает, а где говорит чистую правду. Михаил Петрович прищурился: что он на это раз рассказывает? Кажется о своих приключениях на кладбище. Колька (так он рассказывал) на спор должен был ночью пройти все городское кладбище. Да, да, именно так, Кольку поймал кладбищенский сторож. Но подивившись смелости колькиной, отпустил его, проводив до выхода с кладбища. Или вот еще одна история.

Как то утром в классе Колька заявил, что вечером должны произойти серьезные разборки с бановскими. Бановские пацаны жили в районе вокзала и в городе часто дрались с ребятами из других районов. Колька очень подробно рассказал, как около одной из школ, в том районе, где он жил, он схватился с одним бановским пацаном, свалив его ударом кастета. Сбитый паренек пообещал, что назавтра приведет человек пятьдесят ребят для разборки. Некоторые из мишкиных одноклассников вызвались также отправиться на разборку и если не поучаствовать, то хоть посмотреть на предстоящую драку. Но драки почему-то не было, так как на место разборки никто не пришел. Так для всех осталось не ясным, что из рассказа Кольки было правдой, а что он по свойствам своего характера слегка присочинил.

Тьфу ты, Михаил Петрович совсем замечтался, и проезжающая машина обрызгала его грязью. Да, а машин в то время в городе было мало. Пацаны гоняли на моторных велосипедах и мотоциклах.

В седьмом классе Колька ушел из школы и устроился на завод, доучиваясь в вечерней школе. С полочки купил се-

бе мотоцикл и несколько раз приезжал в школу на нем. На губе у него появился шрам. По его рассказу, убегая от милиции, он врезался в забор, получив, таким образом, свою геройскую рану. И опять Мишка и другие ребята слушали и завидовали Кольке, который теперь мог свободно курить и вообще вести себя как взрослый.

Мишка отлично запомнил этот майский солнечный вечер. Дома он был один. Не мог он только припомнить, почему он улегся спать так рано. Может быть, просто лег и задремал. Выход из сна происходил медленно, Мишка не мог сразу сообразить, что происходит. Наконец до него дошло, что в дверь стучали. Пока сонный Мишка сполз с дивана и проковылял, запинаясь за половики к двери, стук прекратился. Не спрашивая, Мишка отрыл двери, но на пороге никого не было. Пробежав в комнату, Мишка увидел, как Колька на своем мотоцикле отъезжает от его дома. Случай этот Мишка почти сразу и забыл, хотя имея, хоть какой-нибудь жизненный опыт, он должен был бы вспомнить, что после ухода из школы, Колька ни разу не заходил к нему и, следовательно, такой приход мог иметь какое-то значение, если не для Мишки, то для Кольки уж точно.

Спустя какое-то время Миша услышал, что Колька повесился у себя в бане. Что послужило причиной такого поступка, последнего в его жизни, Мишка так и не узнал.

VI.

В школьные годы математика и физика давались Михаилу Петровичу шутя. Ему нравилось размышлять над задачей, искать пути в лабиринте возможных решений. Найдя решение, Мишка радовался, в этот момент у него появлялось такое чувство, какое приходит к каждому человеку, раскачивающемуся на качелях, когда он с высоты летит вниз. Это сладостное ощущение хотелось повторять снова и снова.

В старших классах он мечтал стать физиком. В мечтах он представлял себя великим физиком, лауреатом нобелевской премии или на худой конец участником передачи «Очевид-

ное невероятное». Но в десятом классе отец сказал ему: «Иди в строительный. Квартиру быстро получишь, без работы не останешься, да и вообще – строительство это доходное дело». Отец приводил в пример их знакомого Ивана Александровича – прораба из СМУ-5. Дядя Иван жил с семьей в четырехкомнатной квартире, имел кирпичный гараж и ездил на новенькой «Волге».

И Мишка согласился. Ему почему-то казалось, что физика от него не уйдет. Его романтической натуре представлялось, что науками можно заниматься и самостоятельно, в свободное время, ну как коллекционированием марок. Слишком много было прочитано книжек из серии «Жизнь замечательных людей», слишком много было мечтаний, заменяющих ему реалии жизни. А жизнь, жизнь казалась ему такой длинной, даже бесконечной – ведь как можно себе представить, что она когда-нибудь закончится. Смерть людей он воспринимал, как что-то внешнее, не имеющее к нему никакого отношения. Как будто все, что он видит вокруг себя это только фильм, а на самом деле смерти нет, умершие в одном фильме должны появиться в другом.

В институте он учился легко, только вот ощущение неудовлетворенности не оставляло его все эти годы. Время от времени приходили мысли бросить все и перейти в другой вуз, но природная нерешительность, и неумение просчитывать свою жизнь так и не позволили ему, что-либо менять в своей судьбе.

Потом была Лена, семья. Спустя уже несколько месяцев после женитьбы он забеспокоился. Забеспокоился не внешне, стал задумываться о том, что с ним будет, а как же его мечты. Но тут пошли дети. После окончания института ему предложили аспирантуру, но он не остался. Поступил по совету того же отца и родителей жены. С годами он все меньше и меньше думал о своем будущем. Оно как бы слилось в нем с будущим его семьи, детей. Мечты стали простыми, осязаемыми, понятными окружающим: когда дети пойдут в школу, когда дадут квартиру, когда подойдет очередь на машину, когда же, наконец, освободиться место начальника отдела. Та романтическая жизнь, о ко-

торой он мечтал в школе, ушла, упорхнула безвозвратно, а эта сиюминутная жизнь, полная забот и простых житейских радостей, шла параллельно другим таким же жизням людей, широкой дорогой, шла и шла словно поезд из пункта **А** в конечный пункт **Б** все набирая и набирая скорость. О прошлой детской жизни он уже давно не вспоминал, а если и вспоминал, то как-то лениво, будто не имеет это к нему никакого отношения, а было все это в каком-то фильме, увиденном им давным-давно.

VII.

Стук, стук, стук. Звук раздавался ясно, у самого уха. Стук и покачивание, стук и покачивание. И еще, какое-то фоновое шуршание, не совсем шуршание, а как будто одним предметом по-другому провести. Михаил Петрович открыл глаза и в начале ничего не увидел. Казалось было темно, но потом глаза привыкли и он, что был полумрак. «Наверное, вечер» – подумал Михаил Петрович. Наконец он стал различать в полумраке, какие-то очертания, напоминающие здания. Но света нигде не было, все вымерло. «Может авария, какая-то», – подумал Михаил Петрович, «вот свет и отключили». Приподнявшись, он увидел, что сидит на телеге, которая не стоит на месте, а неторопливо движется увлекаемая вперед невозмутимой лошадкой. По обе стороны дороги тянулись столбы. Хотя было темно, но Михаил Петрович отчетливо видел, что диаметр их был больше обыкновенных. Такие столбы Михаил Петрович помнил из своего детства. Они представляли собой цельный ствол, врытый в землю. На столбах были видны темные пятна не горящих фонарей. Было тепло как летней ночью, словно и не было осени. Неподвижные деревья стояли с обеих сторон дороги, ветра не было и деревья казались сделанными из какого-то твердого материала.

Тут Михаилу Петровичу пришла мысль, что все это происходит во сне. Так часто с ним бывало, особенно когда снился страшный сон. Вспоминал, что это сон и все страхи опасности словно рассыпались как песочные замки, в крайнем случае, можно было зажмурить глаза – и вот гонящиеся за ним монстры исчезали. Закрывая во сне гла-

за, он словно переходил из одного призрачного мира в другой, более безопасный и комфортный. Вот и сейчас он закрыл глаза и очутился в полной темноте. Не было ни шума, ни покачивания, была лишь одна темнота. Вытянув вперед руки, Михаил Петрович попытался сделать несколько шагов. Шаги удались, но ноги как-бы не чувствовали земли. Он шел, словно летел в пространстве. Полная темнота, отсутствие какого-либо осязания привели Птицына в еще больший ужас.

Михаил Петрович зажмурился вновь и проснулся. Сон как серый туман под порывами ветра улетучился мгновенно.

«Господи! Сегодня же Лена приезжает. Надо хотя бы немного в квартире прибраться» – и Михаил Петрович вскочил с кровати и погрузился в повседневные заботы.

VII.

Часов в восемь Михаил Петрович отправился в гараж за машиной. Решил идти через лес, хотя дорога была длиннее и уже темнело. Тропинка пересекала сосновый бор. Было уже совсем темно, когда Михаил Петрович вошел в тень вековых деревьев. Через несколько шагов не стало слышно звуков, раздававшихся с дороги, точнее шум деревьев приглушил все остальные звуки. Полная темнота окутала его и чтобы не сбиться с дороги, он достал фонарик. Выхватывая кусты и стволы деревьев, фонарик создавал ощущение кино, или скорее, работу оператора, снимающего передвижение по ночному лесу. Постепенно Михаил Петрович перестал чувствовать свою ходьбу, ему казалось, что он едет на машине, а фары освещают попадающиеся на пути предметы. Луч фонарика не мог пробиться дальше поверхности кустов, так что Михаилу Петровичу казалось, что это всего лишь декорации в темном коридоре.

Вдруг привиделось Михаилу Петровичу детство. В детстве он страшно боялся темноты, так что пройтись по темной комнате было для него великой победой над собой. Туалет у дома, где жила семья маленького Миши, был во дворе, и выйти туда ночью по нужде было настоящим подвигом. Фонарика у него тогда не было. Запасшись коробком спичек

он, что было силы, бежал в сторону уборной. Забежав туда, он первым делом зажигал спички, чтобы убедиться, что в темноте уборной никто не скрывается. Чтобы не бояться, он обычно зажигал скомканную газету, бросал в очко и старался быстрее справить нужду. Если газета сторала, то в ход шла вторая. И все это время страх держал его в своих тисках, щекотал спину и подмышки. Закончив Миша, как угорелый бежал к своему подъезду, иногда сбивая на своем пути выходивших оттуда жильцов. В комнате ждала его спасительная кровать. Забившись под одеяло, он вновь переживал свой поступок и постепенно успокаиваясь, засыпал.

Вспомнив, Михаил Петрович поежился и страх, детский бессмысленный, основанный на каких-то не понятных подсознательных движениях, вновь пробежал по его телу. Небо было темным, видимо затянуло тучами.

VIII.

- У тебя там еще есть? - Колька махнул в сторону кухни синей от татуировок тощей жилистой рукой.

- Щас - Петро, покачиваясь, опираясь левой рукой на стенку, двинулся из комнаты.

На кухне, было настезь открыто окно, пол был усеян окурками, пустыми бутылками, осколками посуды, какими то огрызками и еще какой-то дрянью. Петро сунулся было к холодильнику, но махнул рукой в воздухе - холодильник продали два дня назад, когда деньги кончились, а жена Петра, забрав кое-какие ценные вещи, вместе с дочерью ушли к Петрову тестю, проживающему в своем доме на другой стороне города. Пьянка длилась уже неделю, пьянка беспробудная без дней и ночей.

Ровно неделю назад Колька, зять Петра, «откинулся» из мест не столь отдаленных и они вместе ушли в сплошной беспробудный российский запой. Колька отсидел восемь лет за вооруженное ограбление и нанесение тяжких увечий. На зоне тяготел к блатным, покрыл все тело наколками и вынес оттуда уже ни чем неискоренимые истериче-

ские формы поведения. Петро, всю жизнь вкалывавший каменщиком на стройках, сидел без работы уже почти год, бил, бил жену, работавшую на железной дороге и содержащую себя, мужа и также нигде не работающую дочь.

Через три дня беспробудного пьянства женщины не выдержали и ушли, а Петро с Колькой пили и пили, заливая воспоминания о прошлом, настоящим и будущем.

- Нет ничего и похавать нечего, - Петро дрожащей спичкой прикурил бычок.

Колька, откинувшись на стуле, вдруг запел, путая мелодию, слова, срываясь то на хрип, то на фальцет.

*Перед смертью она лишь успела сказать -
«Из тюрьмы я, браток, убежала».*

*Кто-то выстрелил вдруг, прямо девушке в грудь,
И она как цветочек завяла...*

Резко оборвав песню, Колька вдруг сменил лирическое настроение на злобную пугающую агрессию.

- Ты знаешь, кто я? Ты, думаешь, я Колька, пацан, которому ты морду бил? Ты знаешь, что я на зоне видел? Я вот этими руками человека задушил, да не человека, суку. Братва не выдала.

Тут он поднес к самому Петрову лицу свои костлявые в наколках руки. Петро, однако, будучи сильно пьян, среагировал как-то вяло.

- Извини... бля буду, извини, ты мне как сын...Колька...

И опять потянулся за спичками.

Колька, шатаясь, поднялся, со всего размаха упал на кровать и уснул.

Задремал и Петро.

...

Шли молча. Темнело. Под ногами чавкала грязь, на западе догорало светлая голубоватая полоска, приближалась ночь

и уже кое-где на небе в просветах между облаками поблескивали звезды. Петру казалось, что все происходит в каком-то сне, сне очень похожим явь. Вспомнилась вдруг армия. Когда уходили в караул, то вот также ночью приходилось проверять посты – Петро был сержантом и ходил в наряд замначкаром¹.

– Тьфу-ты – Петро запнулся, и чуть было не растянулся на мокрой земле.

Уходя, Колька прихватил нож с кухонного стола. От долгого употребления лезвие ножа стало узким, а новую ручку Петро совсем недавно вырезал из обломка черенка. Недельное пьянство дало о себе знать, и Петро не отдавал себе отчет в происходящем.

Вот и дорога, за которой чернел лес.

– Нож то зачем? – с трудом выговорил он, шевеля опухшими потрескавшимися губами, чувствуя, что тоска тошнотворной волной подкатывает к горлу.

– Не ссы, сквозь зубы прошипел Колька. А если заартачится? Пугнем. Я на мокрое не пойду. Мне на зону больше дороги нет.

Тут Петро обнаружил, что в левой руке у него ручка от топора. Но осмыслить этот факт он уже не мог. Шли ходко, хотя и слегка покачиваясь. У гаражей остановились, зашли в тень. Петро сунулся было в карман за куревом, да вспомнил, что ни курева ни денег у них нет. И тут до него дошло, зачем они здесь. Он как-то сразу успокоился, все предприятие представилось ему не таким уж и страшным. В конце концов, не он ли сам по пьяне лет пять назад забрал деньги у мужика, который отдал кошелек, даже как-то радуясь, что легко смог откупиться от забулдыги.

Стояли долго, молчали. Колька сплевывал в кусты, Петро прислонившись к стене гаража, смотрел куда-то вдаль – куда, он и сам не знал. Какие-то смутные образы мелька-

¹ Зам. начальника караула.

ли перед ним, как во сне. Шумели поезда, фонарь висевший метрах в пятидесяти, у одного из гаражей выхватывал часть не высокой сосны не далеко от места, где они стояли.

Вдруг Колька резко повернулся в сторону тропы, которой они пришли. Кто-то торопливо шел в их сторону. Очертание высокого человека вдруг явилось из-за кустов. Колька резко направился наперерез, Петро двинул следом. Ручку от топора он прятал за пазухой.

- Земляк, - Колька преградил дорогу «Высокому», - на бутылку не подкинешь.

Приблизившись, Петро рассмотрел лицо высокого. Борода. Мужик здоровый. На секунду ему показалось, что где-то они уже встречались.

- Нет у меня, мужики. Отойди! - вдруг решительно и резко высокий шагнул вперед.

- Ты че? - взвизгнул Колька и полез в грудной карман за ножом.

«Высокий», вдруг развернувшись, слева влепил Кольке оплеуху. Колька, отступив назад, запнувшись, растерянно матерясь, присел на землю и выронил нож. Путь был свободен и высокий двинул в сторону фонаря.

Петро действовал абсолютно бессознательно, точнее параллельно своему не слишком развитому мыслительному аппарату. А мысль была довольно странная, точнее совсем вроде бы не соответствующая обстановке, что вот раз незнакомец ударил левой рукой, значит левша. И тут Петро мгновенно вспомнил, что в параллельном классе с ним учился Геша, так тот тоже был левша. Геша занимался боксом и его все побаивались. Часто он отбирал деньги у более слабых ребят, в том числе и у Петьки. Если денег не было, то Геша заставлял искать бычки на заднем дворе.

Удар деревянным черенком пришелся «высокому» по затылку и он как-бы споткнувшись, упал ничком на землю. Дальше

Петро видел все как в дурном сне. Вскочивший Колька начал шарить по траве в поисках выпавшего ножа, матерясь визгливым надрывным голосом. Найдя, наконец, нож, он вдруг бросился на лежащего, сел на него и стал наносить удар за ударом, зло, выкрикивая какие-то слова, смысл которых не доходил до Петра, вследствие охватившего его ступора.

Всю обратную дорогу Петро думал только о том, где он видел этого человека. Он теперь точно знал, что встретился с ним, но вот где и когда – этого припомнить он не мог.

Михаил Петрович лежал в метрах тридцати от гаражей. Вдалеке слышался шум проходящего товарняка. Вдруг выглянувшая луна выхватила часть тела, одна брючина задралась почти до колена. Вторая нога была согнута в колене, и издалека казалось, что пьяный прилег возле кустов.

Пирогов В.Ю. ©

Шадринск, 2012.

<http://asm.shadrinsk.net>